

В. С. Федоров — выдающийся ученый-математик, работал в Иваново-Вознесенском политехническом и Ивановском энергетическом институтах около 60 лет, из них длительно — в качестве заведующего кафедрой высшей математики. Его научные интересы лежали в основном в области функционального анализа, приведшие к созданию специального класса математических, моногенных функций, оригинально именуемых «функциями в смысле Федорова».

В. С. Федоров принадлежит к школе академика Н. Н. Лузина, основателя Московской математической школы, является его учеником.

Здесь не место, для рассмотрения научной деятельности В. С. Федорова, и мои знания этого не позволяют. Я хотел бы лишь поделиться воспоминаниями об этом замечательном человеке, с которым свела меня счастливая судьба.

Я помню Владимира Семеновича как удивительно интеллигентного, покоряющего своими личными качествами человека, с 1924 года, когда я, студент второго курса, с треском провалился у него, как экзамене по курсу «Анализ II», им прочитанному. Я до сих пор помню, как экзаменатор своим особым, спокойным голосом сказал:

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

«Вы готовитесь к инженерной деятельности, и Вам обязательно надо знать теорию математических рядов. Вот и расскажите, пожалуй ста, что такое ряд Фурье и кто такой Фурье, где и когда жил, над чем работал».

Я ничего о рядах Фурье не знал и молчал. Владимир Семенович очень корректно сказал мне: «Ну, вот видите, Вы, конечно, что-то знаете, но этого для инженера недостаточно. Ведь истинное знание обладает свойством, быть выраженным словами, а у Вас этого нет. Поработайте и приходите еще раз».

В те, еще молодые годы профессор Федоров был полностью поглощен наукой, за одеждой не следил, и его красивое, тонкое, одухотворенное, грузинского склада лицо и глубокие черные глаза подчеркивались простотой одежды.

После того, как, окончив институт и «пробыв несколько лет в производстве», я вернулся в лоно своей «Альма-матер», я увидел профессора Федорова в расцвете духовных сил. Не знаю, какие мысли владели им в те годы, но полагаю, что, кроме увлечения математическим

анализом, в нем шла работа по формированию глубокой духовности и религиозности.

Владимир Семенович обладал редкой способностью мысленно работать одновременно в нескольких направлениях.

Бывая на заседаниях совета института, я видел, как профессор Федоров, не теряя времени, продуктивно работал: перед ним всегда лежал листок бумаги, и он своим характерным, отчетливым почерком наносил на листок целую систему математических «иероглифов» — изображение его математического мышления.

Вспоминаю одно из заседаний методического совета института с основополагающим докладом профессора Федорова «Какой должна быть лекция в современном вузе». Доклад был по содержанию и форме безукоризнен, однако не содержал в явном виде «затасканных» в ту пору положений диамата, и поэтому вызвал яростную атаку со стороны партийной части совета.

Владимир Семенович корректно, настойчиво, и убедительно отстаивал изложенные в докладе мысли, вызывая недовольство

парткома и, в итоге, отрицательную реакцию министерства. Бескомпромиссность и прямота профессора Федорова в те трудные времена были поразительны. Результатом дискуссии на методсовете явился приезд в институт специальной комиссии из министерства, которой Владимир Семенович заявил: «Если мое мировоззрение и моя специальность не устраивают министерство, то я немедленно подаю заявление об увольнении».

Отрицательных выводов со стороны министерства не последовало.

Общеизвестно, что многим крупным ученым присуще свойство соблюдения порядка, доходящее до педантизма. Бывая в домашнем кабинете Владимира Семеновича, я поражался полному, как мне казалось, беспорядку на его письменном столе.

Помню, видя мое недоумение, он простодушно заметил: «Да тут у меня полный порядок, я, ведь знаю, что и где здесь лежит».

Меня удивляла широта взглядов Владимира Семеновича на мир и восхищает сочетание в его мировоззрении высших истин математической науки и философских положений христианства, содержащихся в православии.

В. М. ЧЕРКАССКИЙ,
профессор.